

В глазах взрослых дети казались незрелыми, но наши сердца чувствительнее мысли. Я уже почувствовала все маленькие добрые дела Учительницы Гао. Я была как подсолнух, который слишком долго находился в темноте. Я слишком долго жаждала света, но как только я начала верить, что этот мир наполнен тьмой, что в глазах взрослых я была человеком без одного-единственного качества, что ни один взрослый человек не мог подарить мне немного тепла и заботы, появилась Учительница Гао.

Она смотрела на меня с доверием и ожиданием, в то время как я колебалась, не зная, стоит ли мне доверять ее добрым намерениям. В своих колебаниях я не стала усердно работать над улучшением, а, скорее, стала еще хуже. На ее занятиях я намеренно читала книги, не слушала и писала неправильные ответы на домашнее задание. Когда она говорила «на запад», я шла на восток; она звала на восток, я бы пошла на запад. Я хотела вытеснить ее «истинное лицо».

Даже по сей день я до сих пор не понимаю, о чем я тогда думала. Я могу только примерно догадываться, что я усердно работала, чтобы доказать, что в моем мире нет света, и позволить себе потерять надежду. Нет разочарования, если нет надежды. Возможно, я просто использовала такой способ защитить себя.

Однако с Учительницей Гао мне ни разу не удалось вытеснить её «истинное лицо». Она использовала сердце родителя, обнимающего своих детей, чтобы терпеть мои действия.

Посреди этого произошла ситуация, которая полностью устранила все мои подозрения по отношению к ней. В школе хотели, чтобы Учительница Гао лучше понимала наш класс, поэтому во время периода отдыха Учительницы Чжан после операции школа специально организовала их встречу, чтобы она могла объяснить состояние каждого ученика.

Я узнавала об этом последней, поэтому, когда я услышала об этом, Учительница Чжан уже сидела в кабинете Учительницы Гао. На меня как будто вылили ведро ледяной воды, загасив маленькое пламя в моем сердце. Кабинет учительницы Гао находился на первом этаже. Я тоже оказалась там, поэтому тайно прокралась к ней под окно, чтобы послушать. Я опоздала, поэтому не услышала, что именно сказала Учительница Чжан, а только услышала, как Учительница Гао очень вежливо сказала Учителю Чжану: «...Все совершают ошибки, ошибки - это не то, что нельзя простить. Ло Ци Ци и Чжан Цзюнь — очень умные ученики...». Оставшуюся часть ее слов я не расслышала, только чувствовала, как у меня кружится голова. С того дня, как я пошла в школу, никто не называл меня умной. Я ассоциировалась с тупостью и глупостью. Я наверняка ослышалась! Когда моя голова снова прояснилась, и мне захотелось снова послушать, я могла слышать только звук, когда Учительница Гао провожала Учительницу Чжан. Таким образом, я вернулась в класс не в себе, неоднократно повторяя себе: «Я, должно быть, ослышалась».

Я тайне сказала себе, может быть, я не ослышалась, что это правда, я не глупая. Но мой разум, который слишком долго чувствовал себя неполноценным, отказывался принять это и продолжал постоянно говорить себе: «Я ослышалась, я определенно ослышалась».

Однако, независимо от того, ослышалась я или нет, я решила сохранить свет в глазах Учительницы Гао. Я была слишком напугана, чтобы подвести ее, боялась, что после того, как она разочаруется, она передумает. Поэтому я перестала читать книги на уроке и начала концентрироваться на уроке. После занятий я серьезно думала и решала каждый вопрос для домашнего задания. Даже если бы у меня не получалось, я бы все равно писала свои мысли в углу. Я хотела дать ей почувствовать мои усилия и дать мне немного времени.

Мои оценки по математике быстро улучшались. В конце пятого класса мои оценки по

математике поднялись с неудовлетворительных до 80 и 90 процентов. Чжан Цзюнь тоже был таким. Однако наши оценки по китайскому языку все еще были очень плохими, поэтому наши общие оценки по-прежнему были не очень хорошими.

Несмотря на это, мои родители все равно были в восторге. После того, как мой отец посетил собрание с родителями и учителями, он взволнованно сказал мне: «После того, как собрание с родителями и учителями закончилось, Учительница Гао попросила меня остаться и сказала мне: «Ваша дочь Ло Ци Ци очень умна. О да, Учительница Гао хочет выбрать тебя для участия в городской олимпиаде по математике среди начальных классов. Тебе придется ходить в школу на уроки во время летних каникул».

В этот момент я окончательно убедилась, что в тот раз не ослышалась.

Вместе со мной участвовал Чжан Цзюнь.

Тем летом у меня были самые веселые дни моего детства. Каждый день, когда я открывала глаза, мое сердце было наполнено солнечным светом.

Каждое утро я ходила в школу и слушала уроки Учительницы Гао с Чжан Цзюнем. Хотя мы мало разговаривали, мы сидели очень близко, и я могла видеть его улыбку краем глаза.

Учительница Гао не стояла на трибуне, она небрежно сидела перед нами и во время разговора писала на клочках бумаги. Когда мы уставали, мы втроем болтали. Учительница Гао поделилась несколькими историями из того времени, когда она училась в Пекине, пока мы с Чжан Цзюнем внимательно слушали. Иногда Чжан Цзюнь делился некоторыми своими знаниями, полученными в результате путешествий по стране. Он действительно хорошо умел говорить и превращал свои истории в живые. Он рассказывал о рыбном празднике, который устроил в Ухане, от чего у меня и Учительницы Гао потекла слюна. В Яньтае он ел сырые морепродукты. Когда он положил в рот живую, пропитанную алкоголем креветку, креветка все равно прыгала у него во рту. Вкус был непередаваемый. Мы с учительницей Гао поморщились, слушая. Когда он говорил взволнованно, он в приподнятом настроении прыгал на парту, а мы с Учительницей Гао сидели на стульях и смотрели на него, слушая его.

Яркий летний солнечный свет светил на него из окна, заставляя сверкать все его тело. Мое сердце тоже было блестяще ярким. Я впервые осознала, что счастье может быть таким простым: мне нужно было только сидеть и тихо смотреть на него.

Большую часть времени, кроме ответов на вопросы, я молчала. Однако мое молчание было наполнено счастьем, мне нравилось слушать, как он говорит.

После окончания урока я шла домой с Чжан Цзюнем.

Мы жили на двух берегах между рекой. Мы называем её рекой, но на самом деле это не была река. Говорят, что это искусственный оросительный канал, который существовал еще во времена династии Цин, но мы привыкли называть его рекой.

Ради того, чтобы иметь возможность идти с ним дальше, я сказала, что мне нравится смотреть на воду. Я часто шла с ним по реке до моста, и там мы расходились.

Я много работала, чтобы найти способы быть с ним, но когда мы действительно были вместе, я не могла сказать ни слова и могла только молчать. Часто говорил только Чжан Цзюнь, а я внимательно слушала. У него было много забавных историй, которые заставляли меня смеяться.

Иногда он тоже молчал, и мы молчали. Я боялась, что он посчитает меня скучной и что он не захочет гулять со мной в будущем, поэтому, как только он замолкал, я отчаянно начинала думать о темах, но не могла придумать ничего, кроме: «Как думаешь, есть ли лучший способ решить этот вопрос с сегодняшнего дня?» или «Я нашла другой способ решить вчерашний вопрос». Таким образом, мы двое, у которых была довольно плохая репутация в школе, действовали как хорошие ученики, которые с энтузиазмом относились к учебе и старательно обсуждали математические вопросы. Лишь много лет спустя я смогла осознать, что, в конце концов, скучнее молчать или обсуждать, сколько существует способов решения скучного математического вопроса?

Однако были и исключения. Когда вода в реке мелела, мы спускались к реке поиграть. Мы вдвоем наклонялись и осматривались в поисках красивых камней в воде.

Когда мы уставали, мы сидели рядом на большом камне, опустив ноги в воду, и пинались во время отдыха. Вода в реке позволяла людям расслабиться. Несмотря на то, что было тихо, я прекращала намеренно подбирать слова. Мы часто не говорили ни слова и просто грелись на солнышке, наслаждаясь ветерком.

<http://tl.rulate.ru/book/109452/4256070>